

Е. А. Казакова

ГУО «Гимназия № 56 г. Гомеля имени А. А. Вишневецкого»

**АКТИВНОСТЬ ЧИТАТЕЛЯ В ДИАЛОГЕ С АВТОРОМ
НА УРОКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОЙ ПРОЗЫ А. ПЛАТОНОВА)**

Созданное произведение – это непрестанный диалог со всей совокупностью предшествующих текстов, своеобразный диалог культур. Читатель – одновременно и объект воздействия литературы и субъект литературного процесса, «подстрекающее начало искусства слова», конститутивный элемент художественного произведения. По мнению Ю.М. Лотмана «само существование текста зависит не только от интенции и творческой активности автора, но и от аналогичной активности читателя, который, извлекая из текста смысл, реконструирует его» [1, с. 157].

В диалоге («духовной встрече») с автором читатель, по М. М. Бахтину, преодолевает «чуждость чужого», стремится «добраться, углубиться до творческого ядра личности создателя произведения и одновременно проявляет способность духовно обогатиться опытом другого человека и умение выразить себя» [2, с. 113]. Автор предполагает у читателя наличие некоего опыта, существенного для понимания изображаемого, для сближения читателя с автором в оценке героев или событий (бытовой, эмоционально-психологический, интеллектуальный опыт). Следует отметить точное замечание белорусских литературоведов Егорова И. В. и Федуты А. И., считающих основным условием существования диалога «как конкретного механизма общения между автором и читателем» – обязанность каждого из участников признавать право за другим действовать в «рамках собственной системы философских, нравственных и эстетических координат» [3, с. 133]. Уникальный опыт формирования и развития творческого читателя представлен в прозе Андрея Платоновича Платонова. «Читательская активность» выражается в работе читателя либо над объективной «программой восприятия», заложенной в тексте произведения (автор), либо в возможности бесчисленного множества толкований.

Авторская «программа восприятия» включает целый ряд авторских установок: «говорящее» заглавие, включающее имя героя, индивидуальный эпитет и т. д. («Никита», «Уля», «Железная старуха», «В прекрасном и яростном мире»); вступление, выбор места и времени действия, жанр (сказка-быль), стиль повествования (в большинстве случаев платоновское повествование отличается сказовой формой изложения материала), главный герой (у Платонова это, как правило, ребенок). Здесь при рассмотрении читательской активности речь идет о восстановлении смысловой структуры, изначально заложенной в тексте. А. Большакова считает, что читатель в данном случае «интересен ровно настолько, насколько способен выполнить «авторскую» волю и реализовать заданную программу понимания» [4, с. 525].

Как отмечали многие исследователи платоновского творчества (Шубин Л. А., Бочаров С. Г., Меерсон О., Полтавцева Н. Г. и др.) его мир наполнен «фигурами умолчания», «смысловыми лакунами», «черными дырами» и неясностями, функция заполнения которых неизбежно принадлежит «читателю». Все это вызывает интеллектуальную и эмоциональную активность читателя. Личный опыт – это тоже своеобразный контекст, благодаря

которому налаживается диалог между автором и читателем. Целая парадигма исторических, биографических, литературных, образных ассоциаций, возникающих при чтении рассказов Платонова, необходима для более полного и верного восприятия текста и его последующего осмысления.

Так, при прочтении рассказа «Железная старуха» у читателя возникает ассоциация с библейским сюжетом: здесь мальчик, словно ветхозаветный первый человек, под деревом познания, узнав тайну которого он сможет подобно Богу стать бессмертным – то, что было заветной мечтой Платонова. И здесь же неслучайно появление образа червя: «на лист вполз сырой червь, отошавший и бледный». Так, червь, подобно другим хтоническим образам, выступает как символ смерти (своим внешним видом и способом передвижения близок змее). В Библии «червь неумирающий» служит символом вечного мучения. В то же время связь с процессами разложения и удобрения позволяет истолковать образ червя в рамках комплекса смерть – плодородие – жизнь. В данном случае образ червя соотносится с платоновской идеей бессмертия, который до конца своей жизни пытался раскрыть эту тайну. Несомненно, поддерживает библейскую ассоциацию и имя главного героя – Егор, которое четко соотносится со змееборческим мифом, мотивы которого в рассказе выражены очень отчетливо. Но героическое в образе мальчика связано не с червем, а с мотивом победы над смертью, тоже имеющим глубокий мифологический подтекст и своеобразно корреспондирующим со всем контекстом платоновского творчества. Конец произведения продолжает ассоциативную линию, связанную с библейским текстом. «А потом я железным не буду – не хочу, я опять буду мальчиком с матерью» [5, с. 166]. Образ мальчика с матерью выводит читателя к образу Богоматери с младенцем Иисусом, который в контексте позднего творчества Платонова несет огромную аксиологическую функцию. Мать с ребенком – символ любви, семьи, дома, продолжающейся жизни – то, что волновало Платонова в последние годы жизни.

Активность читателя на уроках литературы проявляется и в выявлении архетипического смысла, включающего ориентацию читателя на реально-биографические авторские и читательские воспоминания, уходящие вглубь веков, в общенациональную память об историческом прошлом. В произведениях Платонова выделяется целый ряд образов-архетипов, которые имеют глубинные корни в «общенациональном бессознательном». Это элементы мироустройства: звезды, солнце, луна, песок, цветы, деревья, животные.

Можно сказать, что в разряд архетипов перешли и реалии той исторической эпохи, в которой создавал свои произведения Платонов. Например образ паровоза, как символ светлого будущего, который сквозной нитью проходит сквозь все произведения Платонова. Данные образы-архетипы, благодаря своей «узнаваемости» приводят читателя к своеобразной авторской философии. Познавательный потенциал платоновского текста в данном случае активизирует интеллектуальные способности читателя.

Особым авторским приемом, направленным на активизацию читательской деятельности и воображения, становится использование Платоновым форм диалогической речи, побудительных вопросов, нераспространенных предложений. Все это стимулирует активность читателя, создавая иллюзию непосредственной вовлеченности читателя в диалог, ведущийся героями. « – Отчего ты такой? – Не знаю, ответил цветок. – А отчего ты на других непохожий? Цветок опять не знал, что сказать» («Неизвестный цветок») [5, с. 296]. «Ты кто? Что ты мне говоришь? Отчего ты живешь?» («Железная старуха») [5, с. 160-161]. Вопросы ребенка – самый простой и наиболее доступный для ребенка способ познать мир, но в то же время это способ проверить взрослого на принадлежность «своей-чужой».

И вопросы часто остаются без ответов, что побуждает читателя самого искать ответы. Это раскрывает познавательный потенциал платоновских произведений. Так «открытые произведения», в той мере, в какой они представляют собой «произведения в движении», приглашают адресата создавать произведение вместе с его автором» [6, с. 111].

Итак, накапливая литературоведческие наблюдения, мы можем сделать еще один серьезный промежуточный вывод. Благодаря активной работе читателя, собирается материал для широкого многостороннего осмысления события, направленного к важным обобщениям, что явно соответствует авторскому намерению. Большую роль в активизации читательской деятельности играет не только авторская «программа восприятия», но и воссоздание контекстов, интертекст, ассоциативные поля, реализация новых потенциалов текста, делающих его другим, все это должно инициировать активное понимание и воображение читателя.

Таким образом, литературоведческая база, основанная на диалоговом взаимодействии автора и читателя, служит для организации анализа текста на уроках литературы при изучении творчества А.П. Платонова.

Список использованной литературы

1. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 285с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445с.
3. Федута, А. И., Егоров, И.В. Читатель в творческом сознании А. С. Пушкина / А. И. Федута, И. В. Егоров. – Минск : Лимариус, 1999. – 256с.
4. Большакова, А. Теории читателя и литературно-теоретическая мысль XX века./ Теоретико-литературные итоги XX века. Читатель: проблемы восприятия / А. Большакова // Т. 4. – М.: Наука, 2003. – 415с.
5. Платонов, А. У человеческого сердца. Рассказы / А. Платонов. – М.: Детская литература, 1981. – 334с.
6. Умберто, Эко Роль читателя. Исследования по семиотике текста. / Перев. с англ. и итал. С.Д. Серебряного / Эко Умберто. – СПб.: «Симпозиум», 2005. – 502с.